

ОБЛИК ГЕРОЯ

Вечерело. Вдали виднелись легкие дымки финских землянок. Десять финских патрулей охраняли мост. С противоположной стороны бесшумно двигались наши бойцы. Когда до моста осталось сто пятьдесят метров, начальник штаба батальона приказал остановиться и быстро окопаться.

Василий Полещук рыл землю малой лопатой. Два бойца следили за шоссе дорожкой. Построили землянку в два наката. Поставили станковый пулемет, установили связь с артиллеристами, и сержант Полещук стал корректировать их огонь:

— Двести метров не долет!

Падал пушистый снег, прикрывая свежерытую землю. Впереди — чистое место, там враг; позади — сосновый лес, за ним свои. Но до них шесть километров. Одиннадцать бойцов должны удержать эту позицию, этот «пяточок», устояв против батальона белофиннов. Сержант был горд, что командование именно ему доверило это.

— Хороша высотка, хороша! — повторял он про себя.

Три дня враг нес большие потери. Его усиленная разведка наконец обнаружила Полещука. Зайдя в его тыл, перерезала связь со штабом. Обстреляла бойцов, варивших кашу в густом ельнике. Потом финские разведчики приблизились к окопам и открыли огонь. Василий Полещук прыгнул в траншею.

— Ну, ребята, теперь держись!

Прошла тревожная ночь. Обеспокоенный наблюдатель возвестил:

— Финны обходят нас!

Их было человек двадцать пять. Прямо на комсомольца Полещука лезли восемь бандитов. Вся группа шла в лоб.

— Пулемету молчать! — приказал сержант.

Когда враги подошли, он первым открыл огонь. Финны в белых халатах, падая, обозначали места, где их нашла советская пуля, красными пятнами. Полещук уложил из автомата четырех в ста метрах от окопа. Он дал еще одну длинную прицельную очередь и прекратил стрельбу. Вражеская разведка, едва успев захватить трупы, скрылась. Удар в лоб не получился.

— Теперь они нас будут беспокоить часто. Из окопов не вылезать. Зарыться еще глубже.

Только это сказал командир, как около трех отделений белофиннов с флангов бросились вперед. Подняли крики и шум:

— Рус, сдавайся!

— погоди, не спеши, — ответил снайпер Лисицын и подтвердил свои слова выстрелом. Он выбирал тех, кто был ближе. Девять белофиннов уничтожил боец. Враг, встретив дружный отпор, опять отошел.

Но на этот раз только казалось, что враг отступил. Атака трех отделений была маневром, чтобы выведать силу огня наших бойцов. Вот уже три финских взвода двинулись с флангов на «пяточок» Полещука. Пулеметчик Попов попросил разрешения открыть огонь из пулемета.

— Нельзя! — сказал сержант. — Не спеши, пусть они не знают про пулемет.

Финны подползали к трупам своих, залегали за ними и оттуда вели огонь. И много раз пулеметчик Попов просил:

— Товарищ сержант, разрешите!

— Рано.

Враг торопился отбить высоту. Финны то ползли, то бежали вперед. Многие из них падали. Видно было, как финны зацепляли трупы крючками и тащили по снегу, оставляя кровавые следы.

Только когда в восьмой раз повторил Попов свою просьбу, Полещук сказал:

— А теперь можно.

И пулеметчик стал косить бандитов. Он прижал их к земле и так держал несколько минут. Нарочито сделав паузу, дал им подняться и снова приковал к земле. В трех метрах упала граната. Ранило второго номера — Шибeko. Но опять застрочил пулемет, и враг откатился в лес.

Василий Полещук вытер рукавом обильно выступивший пот. Впервые за время боя закурил. Он был моряк, старшина катера из Владивостока; теперь он отдыхал словно после шторма. Светлые глаза искрились радостью. Глубоко вздохнув, он сказал:

— Живьем мы не сдадимся. Выйдут патроны — колоть штыками, бить прикладами, глушить гранатами. Будем драться, продержимся, придет подкрепление. Раз связи нет, значит командование догадается, в чем дело, выручит.

И прибавил:

— Останусь жив — подам заявление в партию.

Взвизгнула пуля финского снайпера и обожгла сержанту лицо. Он наклонился, захватил снега и приложил его к обожженному месту.

— А убьют — командовать будет Попов. Его убьют — слушаться Рубцова.

Потом он проверил наган и пересчитал патроны. Их было двадцать один.

Теперь вокруг загрохотали взрывы. Враг начал обстрел из миномета и скорострельной пушки.

Но это означало во всяком случае, что пока, до времени, финны отошли. Может быть, они возлагали надежды на ночь. И Полещук послал двух самых лучших бойцов за помощью и патронами.

А финны были кругом. Они залегли и позади позиции Полещука, на дороге к нашему штабу. Они отрыли себе ячейки в снегу. Их патрули несколько раз обстреляли обоих связных, посланных сержантом, и те возвратились.

Все же ночь прошла спокойно. Бой разгорелся утром. Сержант принадлежал к людям с твердым характером, у которых, чем ближе опасность, тем больше возрастают силы. Он вошел в землянку, достал приказы, тетрадь с личными записями и спокойно сжег их.

Теперь около двухсот финнов шли на «пяточок» кольцом.

Сержант, стреляя, перебежал по ходу сообщения из одного окопа в другой.

— Держись, ребята, держись!

Был всего один автомат. Но Полещук творил им чудеса. Согнувшись, он перебежал по траншее, создавая видимость большого огня. Тридцать двух гадов истребил он один. Белофинны стали вести бой мелкими группами. Их ручные пулеметы и автоматы особенно досаждали. Изредка боец кричал Полещуку:

— Товарищ сержант, сюда!

— Держись, ребята, держись!

Где было туго, там появлялся Полещук. Пуля ранила его в спину, но он продолжал стрелять и повторял:

— Держаться!

Легко сказать — держаться! Трое суток никто глаз не смыкал. Многие простудились. Не было пищи. Патроны на исходе. Убили лучшего снайпера Лисицына. Враг наседает. В этот момент только твердая командирская воля поддерживала и направляла бойцов. Бесстрашный командир цементировал их волю.

Красноармеец Николаенко, прижатый бешеным огнем автоматчиков, растерялся. Стал стрелять без надобности по деревьям и вверх. Он больше всех израсходовал патронов. Бойцы стали насесть на него за малодушие, но он их не слушал. Тогда быстро вмешался Полещук:

— Николаенко, сейчас долго разговаривать некогда. Или ты в фашистов будешь стрелять, или я в тебя. Одно из двух. Умри, но чтоб было выполнено!

Николаенко взял себя в руки. Командир следил за ним. Пули его стали находить врага. Покраснев, он сказал командиру:

— Товарищ сержант, вы уходите. Если убьют, пусть меня одного. А за меня теперь можете быть спокойны.

И Полещук со своим автоматом перебежал в другую траншею. По его примеру меняли места и бойцы. Они были неуловимы для врага и на ходу разгадывали его уловки.

Бой ослабевал и снова возрастал. Враг понимал, что перед ним горсточка бойцов, и упорно лез вперед.

— Товарищ сержант, осталось десять патронов, — доложил один из бойцов.

Другие подтвердили, что и у них то же самое. Двое погибли. В траншеях было девять человек, некоторые ранены. Полещуку осколком рассекло щеку. Он сказал:

Фашистский танк полз, поливая огнем наших бойцов. Комсомолец Середа, подкрavшись, на ходу вскочил на танк и несколькими ударами топора вывел из строя пулемет врага. С криком «ура» кинулись вперед наши бойцы, затварили танк и отбросили фашистскую пехоту. Отважному воину Ивану Середу правительство присвоило звание Героя Советского Союза.

— Тут, друзья, дело такое: или отобьемся, или все погибнем. Приказ исполним. Держись крепче, ничего...

Финский автоматчик пробил кожу станкового пулемета. Финны заулюлюкали.

— Товарищ сержант...— нервно сказал Рубцов.

— Ну что? — ответил Полещук.— Биться будем до последнего, не слышал?! Левый фланг, смотри!..

Враги были совсем близко. Они улюлюкали.

И вдруг несколько финнов схватились за животы. Снова послышался разговор пулемета. Он завел длинную речь. То наводчик Ермаков устранил неисправность оружия. И сразу, как сметенные, поредели цепи финнов. Но разрывная пуля выбила из рук Полещука автомат. Сержант с трудом поднялся и взял винтовку. Потом нагнулся, схватил снегу и жадно проглотил его.

Передние цепи финнов залегли, а в тылу их началась какая-то возня.

Наши! То наши шли, спешили на выручку к осажденным!

В десять часов вечера два взвода с боем прорвались к Полещуку. Эти взводы вели лейтенанты Маслов и Никулин.

Три дня подряд дрались Василий Полещук и его герои одни. Еще пять дней пришлось им драться вместе со взводами Маслова и Никулина, но занятой высоты не отдали врагу. Вокруг нее снаряды изрыли десятки ям, лес превратился в завалы, и на снегу валялось сто пятьдесят финских трупов.

Прошло два месяца после этих боев. В землянке стаяли две керосиновые лампы. Огонь подпрыгивал, когда вместе с входящими людьми в землянку врвался холодный воздух. Бригадный комиссар Семенов выдавал партийные документы. К столу подошел Василий Полещук. Комиссар сказал наставительно:

— Вы вышли из красноармейской среды. От сержанта, командира отделения дошли до старшего лейтенанта. Стали заместителем командира роты автоматчиков. У вас есть все задатки для того, чтобы стать еще лучшим командиром. Делитесь своим опытом, помогайте товарищам. Вами гордится вся дивизия.

— Понимаю. Обещаю быть достойным партии большевиков. Буду уничтожать фашистов, не щадя жизни. Знаю, что главные бои еще впереди. Клянусь свято хранить боевые традиции нашей краснознаменной дивизии.

И вышел из землянки коммунист Василий Лукьянович Полещук, двадцатитрехлетний сын советского народа.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза.